

***ЕЛЕПОВА Марина Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 87 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий и 3 учебно-методических пособий*

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ПРИРОДЕ ДУХОВНЫХ ОД М.В. ЛОМОНОСОВА

Натурфилософская проблематика духовных од М.В. Ломоносова связана с творениями отцов восточнохристианской церкви. Поэт утверждает принцип антропологичности Вселенной, который оборачивается теоцентризмом. Патристическая апологетика определяет в духовных одах и идею бесконечности и относительности познания. Важнейший раздел апологетики – церковная гимнография. Жанровая природа «Размышлений» Ломоносова обусловлена традициями древней христианской гимнографии.

Ключевые слова: *духовные оды, природа жанра, натурфилософия, теоцентризм, апологетика, гимнография.*

В 1743 году М.В. Ломоносов обращается к жанру духовной оды, пишет знаменитые духовные медитации – «Утреннее размышление о Божием Величестве» и «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния». Эти произведения в силу их натурфилософской проблематики традиционно относят к естественнонаучной поэзии.

Однако, как справедливо замечает Е.Н. Лебедев, эти стихотворения в корне отличаются от образцов такой поэзии, начиная с Лукреция и завершая Вольтером и прочими современниками Ломоносова. В них заключается не собственно изложение определенных гипотез, научных концепций, а «лирическое переживание истины, явившейся ему, пронизавшей все его

существо, – истины, облеченной не в понятие, а в художественный образ»¹. И далее – по поводу описания северного сияния в «Вечернем размышлении»: «Здесь, по сути, нет физической проблемы, есть проблема духовная»². Духовность эту исследователь связывает с синтезом поэзии и науки в стихотворениях Ломоносова. По нашему же мнению, потому они и вошли вместе с парафразами псалмов в раздел «Оды духовные», открывающий «Собрание разных сочинений» поэта, что у них особая художественная природа, связанная с религиозно-философскими позициями Ломоносова. Русский поэт, не приемля модный в Европе деизм, утверждает в своих художественных сочинениях христианский провиденциализм.

В «Утреннем размышлении о Божием Величестве» поэт подчеркивает непрерывно длящееся действие Божества на природу и ее тела:

*Но взор Твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.
От светлости Твоих очей
Льет радость твари всей*³.

Бог простирает к человеку «премудрости лучи», научает творить угодное Ему, а человек взывает к Творцу и прославляет Его, непрерывно произливающего радость. Бог и человек находятся в постоянном взаимодействии, соответственно, ни о каком деизме не может быть и речи.

Вселенная Ломоносова телеологична, что, несомненно, подразумевает и промыслительность всего происходящего в ней. Космогония поэта антропоцентрична, целесообразность устройства Солнечной системы связывается с потребностями человека. Солнце, эта «пре-светлая лампада», возжжена для «повседневных дел» людей.

Естественнонаучное содержание «Утреннего» и «Вечернего размышления» позволяет поэту поставить проблему абсолютности и относительности познания природы как творения Бога: познание есть открытие новых и новых тайн натуры, но никогда не сущностное постижение бездны Божества во всей его неизмеримости. Неисповедимы даже явления земной природы. Так, северное сияние, известное каждому помору, вызывает лишь град вопросов и предположений. Что же тогда можно сказать о необозримом космосе? Созерцатель «в сей бездне углублен», утомлен и растерян перед величием вселенной, и его смущение, исполненное благоговения, разрешается потоком вопросов, остающихся без ответов:

*Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?*⁴

Вопросная конструкция, характерная для «Вечернего размышления» (в стихотворении содержится 12 вопросов), построена по принципу градации, нарастания эмоционального накала. Мысль поэта восходит от земного

к небесному, от Солнечной системы к галактическому масштабу, от космического пространства к Божеству, что превышает всякого познания. Это позволяет автору поставить еще одну проблему – нищеты самого великого и просвещенного ума перед тайной божественного Абсолюта. И «Утреннее» и «Вечернее размышление» завершаются на ноте глубокого смирения поэта-ученого, созерцателя-естествоиспытателя перед властью и силой Бога, заканчиваются восторженной хвалой «бессмертному Царю» и осознанием немощи человеческого разума. Такой пафос духовных од имеет апологетическую основу, связан со святоотеческими трудами, с идеями патристики, учением вселенских великих учителей и других отцов Церкви IV–VIII веков, которые Ломоносов превосходно знал с юных лет. Его позиция совершенно самостоятельна и обусловлена не европейским рационализмом, а следованием традиции восточно-христианской богословской мысли. Научное познание понимается как богопознание.

Именно такова и логика поэтической мысли Ломоносова в «Размышлениях». Его разум восходит от видения земной природы к духовному созерцанию, от земного вдохновения к богодухновенности, поэтому умолкает мысль человеческая, исчезают все вопрошания в этой апофатической завесе. Остается лишь хвала Творцу. И Ломоносов придерживается этой композиционной структуры в обоих произведениях: проникновение умом в тайны природы, высказывание научных гипотез о естестве натуры – о поверхности Солнца, происхождении северного сияния, а далее – умолкание немощного и ограниченного человеческого разума пред тайной Божества. В «Утреннем размышлении» читаем:

*Творец! Покрытому мне тмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, бессмертный Царь*⁵.

Стихотворение естественнонаучного плана приобретает черты произведения церковной

гимнографии: молитвенное обращение к Богу, торжественная похвала божеству в заключительном аккорде, умаление лирического героя пред лицом Творца, антитеза ничтожества человека и всеислия Промыслителя.

В тварной природе воздействие божественной силы и премудрости непостижимо для человека. Исследователь природы чаще всего способен лишь выдвинуть какую-либо гипотезу или дать волю своему воображению, или задавать бесчисленные вопросы, нередко остающиеся без ответа. Если же что-то открывается его испытующему разуму, то это открытие как бы отверзает завесу над новыми законами и тайнами природы, которые вновь повергают его в благоговейный трепет пред Создателем. Вот приоткрылась внутреннему взору поэта картина поверхности «ужасной громады» – Солнца, но мысль его, простираясь дальше, ужасается уже не Солнцу, а величию Божию в его бесконечности:

*Сия ужасная громада –
Как искра пред Тобой одна⁶.*

В «Вечернем размышлении» поэт обращается к астрономам, изучившим движение небесных светил:

*Вам путь известен всех планет;
Скажите, что нас так мятет?⁷*

То есть ставит новую проблему: кто же может объяснить причины этой «небесной механики», которая сама по себе так хорошо изучена?

Таким образом, открытия ученых – еще одно свидетельство немощи человеческого разума вообще. И чем мощнее научное дерзание, тем смиреннее склоняется исследователь природы перед Зиждителем мира. Естественнонаучная проблематика стихотворений усиливает их возвышенный религиозный характер в духе традиций торжественного красноречия нашей Церкви.

Здесь же следует отметить связь стихотворений не только со святоотеческой апологетикой, но и с древней церковной гимнографией, которую Ломоносов прекрасно знал в числе прочих сочинений отцов Церкви. Известно, что он был отменным знатоком православных

богослужебных книг, поскольку в юные годы служил чтецом и псаломщиком. Г.Н. Моисеева указывает, что храмовое служение «предопределило изучение Ломоносовым основных богослужебных книг: Служебника и Часослова, Октоиха, Минеи праздничной и Минеи общей, Триоди Постной и Цветной, Типикона, Требника. Для совершения церковной службы необходимо знание нотных богослужебных книг: Обихода, Октоиха и Ирмологиона»⁸. Во многих из этих книг и содержатся образцы святоотеческой гимнографии – каноны, акафисты, тропари, кондаки, ирмосы, стихиры, антифоны, прокимны и проч.

Одним из величайших гимнологов православного Востока был св. Иоанн Дамаскин (VII век) – церковный поэт, песнопевец, историк, экзегет, апологет. Он автор ряда канонов, в т. ч. и Пасхального, канона в неделю Фомины, и многих других блестящих образцов торжественного духовного красноречия, входящих в состав богослужебных книг. Творения Дамаскина, как и других отцов, имеющих отношение к гимнографии, – Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Ломоносов изучил глубоко по богослужебным книгам, позднее штудировал их в библиотеке Славяно-греко-латинской академии, а также, надо полагать, в книжном собрании Киево-Могилянского коллегиума. В «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» ученый размышляет о свойствах греческого языка: «На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианские Церкви учителя и творцы, возвышая древнее красноречие высокими богословскими догматами и парением усердного пения к Богу». И далее с восхищением отзывается о творениях Иоанна Дамаскина: «Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на славенском языке, коль много мы от переводу Ветхого и Нового Завета, поучений отеческих, духовных песней Дамаскиновых и других творцов канонов видим в славенском языке греческого изобилия и оттуду умножаем довольство российского

слова, которое и собственным своим достатком велико и к приятию греческих красот посредством славенского сродно»⁹.

Отзвуки «песней Дамаскиновых» и его апологетических сочинений, исполненных высокого духовного восторга, ощутимы и в «Размышлениях» Ломоносова. В своем знаменитом труде «Точное изложение православной веры» Дамаскин рисует во второй книге грандиозные картины космических пространств, движения планет Солнечной системы по своим орбитам, описывает зодиакальные созвездия. Однако изображение космических далей – не самоцель для Дамаскина. Он подводит к мысли, что вся эта вселенская мистерия создана Богом для осуществления плана сотворения человека, она свидетельствует о непостижимой премудрости Зиждителя. В главе «О Земле и о том, что из нее рождается» св. Иоанн подчеркивает, так сказать, антропопредназначенность всей земной природы: «Нет ни одного животного или растения, в которое Творец не вложил бы какой-нибудь силы, полезной для человеческих потребностей; ибо Бог *сведый* вся *прежде бытия их* (Дан., 13:42), предвидя, что человек самовольно преступит заповедь и будет предан тлению, создал все, как на небе, так и на земле и в водах так, чтобы оно служило для своевременного употребления человека»¹⁰.

Таков и пафос «Размышлений» Ломоносова. Он, кстати сказать, отлично знал этот труд Иоанна Дамаскина, цитировал «Точное изложение» в астрономической работе «Явление Венеры на Солнце» для доказательства отсутствия противоречия между верой и наукой: «Правда и вера суть две сестры родные, дочери одного всевышнего родителя: никогда между собою в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду вклеплет. А благоразумные и добрые люди должны рассматривать, нет ли какого способа к объяснению и отвращению мнимого между ними междоусобия, как учинил вышереченный премудрый учитель наша православная церкви (Василий Великий. – М.Е.). Которому согласуясь,

Дамаскин святой, глубокомысленный богослов и высокий священный стихотворец, в Опасном издании православной веры (кн. 2, гл. 6), упомянув разные мнения о строении мира, сказал: „Обаче аще же тако, аще же инако; вся божиим повелением быша же и утвердишася“. То есть: физические рассуждения о строении мира служат к прославлению божиию и вере не вредны»¹¹.

Итак, все величественные грандиозные картины космического мира – «горящий вечно Океан» Солнца в «Утреннем размышлении», звездная галактическая бездна в «Вечернем» – служат для достижения одной цели: воспеть величие и беспредельную славу Творца. Все время мысль поэта возлетает от земли, космоса, тайн тварного мира к недоведомым тайнам Божества и его Промысла обо всей вселенной. Это движение лирической мысли задано уже в начале «Утреннего размышления»:

*Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И Божия дела открыло.
Мой дух, с веселием внемли,
Чудясь ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель Сам!*¹²

Блеск земного солнца – лишь ничтожный ответ сияния самого Создателя этой планеты.

В шестой строфе стихотворения заключено вновь подобное же сравнение, совершенно святоотеческое по духу, когда сопоставляется свет «дневного светила», освещающего лишь «поверхность тел», и всепроницающий «взор» Божества:

*Но взор Твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.
От светлости Твоих очей
Льет радость твари всей!*¹³

Такова же и логика «Вечернего размышления»: от созерцания ночного неба – к благоговейному восторгу перед Мирозидителем.

Идея преднамеренной антропоцентричности вселенной также звучит в «Утреннем размышлении»: «прекрасное светило» светит, чтобы явить на земле «Божия дела», и поэт прямо формулирует:

*Сия ужасная громада –
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!*¹⁴

Взирание же «твари» в высшем смысле нужно человеку для того, чтобы «хвалить» «бессмертного Царя». Антропологичность оборачивается теоцентричностью. Осмысление при этом естественнонаучных проблем позволяет поэту к апологетическим торжественным похвалам Божеству.

«Размышления» Ломоносова перекликаются и с канонами Иоанна Дамаскина, в частности со знаменитым канонем на Неделю Фомины. Канон посвящен чудесному удостоверению апостола Фомы в воскресении Христовом. От сомнения и неверия он пришел к величайшей радости и восторгу, увидев наяву воскресшего Спасителя, вложив персты в «раны гвоздинные». И это движение поэтического чувства от томления к восхищению, от незнания к познанию, от печали к упоению проходит через весь канон. Лирический герой в первом «Размышлении», подобно апостолу Фоме, «покрыт тмою», но премудрость «бессмертного Царя» научит его хвалить Бога. В первых строфах второго стихотворения звучит мысль об усталости, утомлении героя, подавленного величественным зрелищем звездной бездны, герой восклицает:

*Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!*¹⁵

Далее герой задает бесчисленные недоуменные вопросы, спорит с воображаемыми оппонентами, вновь вопрошает без надежды на получение ответов и резюмирует общее состояние всех испытателей натуры – оно исполнено также недоуменной неопределенности:

*Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест*¹⁶.

И в финале, как бы обличая гордых и уверенных в своей великой учености естествоиспытателей, задает им последние вопросы:

*Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж коль велик Творец?*¹⁷

И в этом торжествующем граде вопросов, на которые, заведомо известно, невозможно дать ответы и которые увенчиваются гласом всепобеждающей радости, звучит уже не томление и сомнение, как у апостола Фомы, еще не видевшего воскресшего Христа, а упоение и восторг уверовавшего Фомы и всех апостолов в 9 песни канона: «Днесь весна благоухает, и новая тварь ликует. Днесь взимаются ключи дверей и неверия Фомы друга, вопиюща: Господь и Бог мой»¹⁸.

Гимнографические черты еще раз подчеркивают религиозный пафос духовных од Ломоносова, которые предстают как оригинальные образцы стихотворной естественнонаучной апологетики поэта. Жанровая природа «Размышлений» генетически восходит к древним церковным канонам.

Примечания

¹ Лебедев Е.Н. Ломоносов. М., 1990. С. 180.

² Там же. С. 181.

³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1959. С. 119.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Там же. С. 119.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Там же. С. 121.

⁸ Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 65.

⁹ Ломоносов М.В. Указ. соч. Т. 7. М., 1952. С. 587.

¹⁰ Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., 1998. С. 145.

¹¹ Ломоносов М.В. Указ. соч. Т. 4. М., 1955. С. 373.

¹² Его же. Указ. соч. Т. 8. С. 117.

¹³ Там же. С. 119.

¹⁴ Там же. С. 118.

¹⁵ Там же. С. 121.

¹⁶ Там же. С. 123.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Триодь цветная. М., 1992. С. 41.

Elepova Marina Yuryevna

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Philology and Cross-Cultural Communication

ON THE GENRE NATURE OF M.V. LOMONOSOV'S SPIRITUAL ODES

Nature-philosophical issues of M.V. Lomonosov's spiritual odes are related to the works of the fathers of the Eastern Christian Church. The poet asserts the principle of anthropology of the universe, which turns into the ocentricism. Patristic apologetics defines the idea of infinity and relativity of knowledge in the spiritual odes. The most important part of apologetics is church hymnography. The genre nature of Lomonosov's *Reflections* is determined by the traditions of the ancient Christian hymnography.

Key words: *spiritual odes, genre nature, natural philosophy, theocentricism, apologetics, hymnography.*

Контактная информация:

e-mail: m.elepova@yandex.ru

Рецензент – *Николаев Н.И.*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории литературы Гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске